

"АПОФЕОЗ БЕСПОЧВЕННОСТИ": ЛЕВ ШЕСТОВ И АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ
/Точки соприкосновения двух типов художественного
мышления в русской литературе начала XX века/

Каталин Секе

Задачей данной статьи не является сравнение философской "системы" Шестова /хотя бы потому, что и сам философ в ранних своих произведениях довольно часто протестовал против понятия "системы"¹/ с творчеством Ремизова, так как такая цель, на наш взгляд, имеет абсурдный характер. Кроме того, в данном случае не представляется целесообразным применять тот метод, с помощью которого обычно исследуется влияние философских взглядов на творчество писателя. Вместо этого в настоящей статье мы хотели бы попытаться проследить лишь точки соприкосновения, параллели двух типов "художественного мышления", руководствуясь целью выявить их роль в формировании представления о мире в творчестве Ал. Ремизова, и в связи с этим указать на некоторые "постсимволистские тенденции" в прозе писателя.

Употребление термина "художественное мышление" по отношению к творчеству Льва Шестова, несмотря на то, что речь идет о философе, можно считать вполне обоснованным. Исследователи часто подчеркивают "литературное дарование"² Шестова /например, Иванов-Разумник предполагает, что книги Шестова

¹ Лев Шестов. Апофеоз беспочвенности. СПб., 1911. YMCA-PRESS Париж, 1971, стр. 51.

² В.В. Зеньковский. История русской философии. т. II. YMCA-PRESS Париж, 1950, стр. 319.

входят в круг "философско-художественного творчества"³/ и пишут о том, что философ пользовался большой популярностью, в первую очередь среди литераторов в России на рубеже веков⁴. В произведениях начала века⁵ Шестов /мы исследуем в первую очередь ранний период его творчества/ разрабатывает свою философию, опираясь на проведенный им анализ произведений Шекспира, Достоевского, Толстого, Чехова, Тургенева и Ибсена. Он интерпретирует взаимоотношение творца и его творения и при этом не соблюдает никакой дистанции между интерпретатором и данным писателем⁶, воспринимая того или иного писателя как свое alter ego. Таким образом возникает тот предельно субъективный философский жанр, который, имея в виду подзаголовок книги Л. Шестова "На весах Иова", можно было бы назвать "странствованием по душам".

Мы начнем анализ взаимоотношений Шестова и Ремизова с освещения фактов. В течение долгих лет их связывали дружеские отношения, но письменных свидетельств этой дружбы дошло до нас немного. Из произведений Ремизова можно узнать о Шестове следующее: Шестов является кавалером "Обезвельолпа-

³ "... мы называем творчество Л. Шестова философско-художественным. При чтении книг Л. Шестова чувство эстетической удовлетворенности почти всегда сопровождает работу мысли..." /Иванов-Разумник. О смысле жизни. Ф. Сологуб, Л. Андреев, Л. Шестов. Спб., 1910, стр. 165/.

⁴ В.В. Зеньковский. Указ. соч., стр. 319.

⁵ Шекспир и его критик Брандес /1898/, Добро в учении гр. Толстого и Фр. Нитше /1900/, Достоевский и Нитше /1903/, Апофеоз беспочвенности /1905/, Начала и концы /1908/.

⁶ Вик. Ерофеев. "Остается одно: произвол" /Философия одиночества и литературно-эстетическое кредо Льва Шестова/. "Вопросы литературы". 1975, № 10, стр. 153-188, стр. 171.

ла"⁷, его образ фигурирует в шуточных рассказах Ремизова о берлинской эмигрантской жизни⁸, Шестову посвящены юбилейная статья в связи с его шестидесятилетием и некролог⁹. В творческом наследии Ремизова можно найти также рецензию на книгу Шестова "Апофеоз беспочвенности", включенную в сборник эссе писателя¹⁰. С нашей точки зрения особенно интересны рецензия и некролог, по смыслу внутренне связанные друг с другом. В рецензии Ремизова на "Апофеоз беспочвенности" /1905 г./ подчеркивается в первую очередь "анти-системность" книги Шестова и указывается на эстетическую ценность и необычность этого сочинения по форме. "Опыт адогматического мышления" является гармонией афоризмов, возмутительных и циничных для ума, которого кашей не корми, а подай "систему", "возвышенную идею" и т.п. "De la musique avant toute chose"... этим знаменитым стихом заканчивается книга, которую можно было бы назвать прелюдией подпольной симфонии..."¹¹ В некрологе /1938 г./ вновь дан "апофеоз беспочвенности", но параллельно с этим появляется характерная для творчества Ре-

-
- ⁷ Обезвельволпал = Обезьянья Великая и Вольная палата, основанная Ремизовым в 1908 г. Шуточное фантастическое общество, в котором он сам выступал в роли "канцеляриуса обезьяньего царя Асыки Первого". Члены "обезвельволпала" /к ним принадлежали многие литераторы/ получали от Ремизова особые "грамоты" и "знаки".
- ⁸ Ал. Ремизов. Цвофирзон. "Наш огонек". Рига, 1925. № 20. от 30-го мая.
- ⁹ Ал. Ремизов. Лев Шестов. "Своими путями". Прага, 1926. № 12-13 июнь. Ал. Ремизов. Памяти Льва Шестова. "Последние новости". Париж, 1938. № 6451. от 24 ноября.
- ¹⁰ Ал. Ремизов. По поводу книги Льва Шестова "Апофеоз беспочвенности". "Вопросы жизни". СПб., 1905. № 7. Ал. Ремизов. Крашеные рыла. Театр и книга. Берлин, 1922. Лев Шестов: Апофеоз беспочвенности. стр. 124-126.
- ¹¹ Ал. Ремизов. Лев Шестов: Апофеоз беспочвенности. В кн.: Крашеные рыла. стр. 125.

мизова с в о я тема: глубокое переживание беззащитности и обреченности человека. "Человек" - я говорю о человеческом мире - пропадает именно от своей тупой "разумности", этот самообманывающийся непогрешимой "математикой" игрок! А что это так, не надо и смотреть, чтобы почувствовать, что творится вокруг, какое бездонное горе разливается по миру в этом мире заочных бумажных приговоров, теоретических программ, без слуха к живой трепещущей жизни. Шестовское "безумие" - "апофеоз беспочвенности" был вызов именно этой мировой бездушной машинности, этому подлинному бесчувственному идолу, "логизирующему сухарю", для которого горячее человеческое сердце с его безграничной волей и чудесами - с а - л о г о м !"¹²

Можно утверждать, что в некрологе "апофеоз беспочвенности" не является только ссылкой на название произведения Шестова, а входит как органическая часть в ремизовское мироощущение, являясь выражением одной из главных идей творчества писателя. Текст некролога включает в себя также два важных, с нашей точки зрения, указания, Н. Резникова в своих воспоминаниях о Ремизове пишет о том, что писатель в произведениях, письмах и в личном общении с друзьями часто пользовался странным словосочетанием - "для безобразия". В сущности, это шуточное, игривое по смыслу словосочетание в употреблении Ремизова имело и более отвлеченное значение: оно выражало определенный протест против повседневности, а также против устойчивости принятой системы ценностей¹³. Любимое выражение Ремизова заимствовано из одного из шестовских афоризмов /"Свет открывает человеку красоту - но он же

¹² Ал. Ремизов. Памяти Льва Шестова. "Последние новости". 1938. № 6451.

¹³ Н. Резникова. Огненная память. Воспоминания о Алексее Ремизове. Berkeley. 1980. "Berkeley Slavic Specialities". стр. 27.

открывает нам и безобразия..."¹⁴/, и является его перефразировкой. Эти же перефразированные слова Шестова появляются и в некрологе, но уже употребляются как свое ремизовское выражение, в контексте одного шестовского произведения /Начала и конца/, название которого в свою очередь перефразируются. "Мне с моим взбалмошным миром без конца и без начала Шестов пришелся на руку, легко и свободно мог отводить свою душу на всех путях его "безобразия"¹⁵. Другое указание мы находим в самом начале некролога - "Во всех моих "комедиях" Шестов играл неизменно главную роль..."¹⁶ - в свете которого становится ясным, что намек на близость и истинность в отношениях между писателем и "изображаемым персонажем" означает, что образ Шестова для Ремизова был важен именно потому, что Шестов явился носителем, "воплощением" ремизовской художественной темы - "апофеоза беспочвенности".

Принимая во внимание все вышесказанное, мы можем предположить, что шестовские идеи для Ремизова имели особенную важность скорее не как философия, не как выражение определенного мирозерцания, а как бы "пришлись ему на руку", что дает нам основания в дальнейшем интерпретировать их в отношении ремизовского творчества как "параллельные мотивы", точки соприкосновения двух аналогичных мироощущений и двух типов художественного мышления.

В данной статье мы хотели бы проследить точки соприкосновения ремизовского и шестовского художественного мышления на материале ранних, написанных до 1917 года, произведений. Нам хотелось бы выделить в одной из ранних повестей Ремизо-

¹⁴ Лев Шестов. Апофеоз беспочвенности. стр. 125.

¹⁵ Ал. Ремизов. Памяти Льва Шестова. "Последние новости". № 6451.

¹⁶ Там же, № 6451.

ва /Крестовые сестры/ ряд мотивов, связанных с "апофеозом беспочвенности", и выявить их функцию в формировании ремизовской концепции человека и мира. Исходя из вышеупомянутых предположений, "апофеоз беспочвенности" толкуется нами уже как ремизовская тема, как стержень ремизовского мироощущения, хотя мы принимаем во внимание также и все то, что казалось Ремизову особенно привлекательным в ранней философии Шестова.

Острые критики Шестова в его ранних философских работах направлено в первую очередь против "всевластия" теории познания. Предметом шестовской критики оказываются те философии, дисциплины и категории, которые связаны с теорией познания: метафизика, позитивизм, наука и мораль. Поскольку Шестов живет идеями "адогматического мышления", он отрицает все методы, которые унифицируют мышление, критикуя всеобъемлющую власть логики и, прежде всего, принцип причинной обусловленности явлений. Ремизову особенно близко это отрицание. Концепция человека и мира у Ремизова в основном определяется желанием полностью освободиться от ига законов причинности; в своих произведениях он также показывает губительную сущность "всевластия" логики. В основе и ремизовской, и шестовской концепций человека лежит та общая мысль, согласно которой главными "категориями" человеческого бытия являются "вечные колебания и шатания"¹⁷, само мышление есть состояние потери равновесия, поскольку думать - значит "постоянно жертвовать... привычками, вкусами, привязанностями..."¹⁸ По мнению Шестова, задача философии заключается не в решении конечных вопросов, а имеет функцию иного порядка: она должна "... научить человека - жить в неизвестности - того чело-

¹⁷ Лев Шестов. Апофеоз беспочвенности. чтр. 116.

¹⁸ Там же, стр. 131.

века, который больше всего боится неизвестности и прячется от нее за разными догматами. Короче: задача философии не успокаивать, а смущать людей"¹⁹. В понимании Ремизова экзистенциальное положение человека также характеризуется категорией "неизвестности", человек не способен овладеть своей судьбой²⁰; внимание писателя сосредоточивается на необъяснимых человеческих страданиях, и поэтому он считает, обращаясь к литературе, что "... большие книги - великие произведения слова человеческого есть именно заклатья"²¹. Общая черта в шестовской и ремизовской концепции человека - попытка исследовать положение человека в "малом мире", в условиях абсурдности повседневного существования, /не случайно, именно чеховские герои привлекают особое внимание Шестова в ходе развертывания его философской концепции/. Как философ, так и писатель показывают, что даже для среднего, банального человека, у которого все отняли, остается последнее убежище: оценивать и осмысливать свое положение, причем умственные способности "маленького человека" в этих отчаянных ситуациях становятся даже более совершенными²². В этом аспекте /на другие точки соприкосновения мы укажем в дальнейшем/ шестовское и ремизовское мышление соприкасается с некоторыми тезисами философии экзистенциализма, как, например, с учением Ясперса о "пограничных ситуациях" и о состоянии "просветления экзистенции" /Existenzerhellung/.

Не только в учении Шестова, но и в творчестве Ремизова самое характерное человеческое состояние - это состояние "пробуждения", о чем свидетельствует, например, судьба глав-

¹⁹ Там же, стр.38.

²⁰ Н. Кодрянская. Алексей Ремизов. Париж, 1959, стр. 81.

²¹ Ал. Ремизов. Крашенные рыла. стр, 17.

²² Лев Шестов. Начала и концы. Сборник статей. Спб., 1908, стр. 9.

ного персонажа одной из самых известных повестей Ремизова "Крестовые сестры" - Маракулина. Повесть "Крестовые сестры", написанная в 1910 году, является как бы завершением ряда тех ремизовских произведений, в которых варьировалась одна из важных тем русской литературы XIX века - тема "маленького человека". Главный персонаж повести Маракулин представляет собой интерес и с той точки зрения, что его судьба демонстрирует становление "экзистенциальной ситуации" ремизовского "маленького человека". В повести Маракулин - как истинный ремизовский персонаж - имеет и свою "предысторию". Его "предыстория" - вариация на гоголевскую тему, освещающую судьбу маленького человека - чиновника. В "предыстории" подчеркивается, что главная отличительная черта Маракулина - его способность чувствовать себя "маленьким, лет двенадцати"²³, его непохожесть "на человека", его неумение думать чувствовать. Никогда ни с кем он не спорит, принимает мнение каждого. На гоголевское происхождение этого персонажа указывает и его красивый, аккуратный почерк, подобный почерку Акакия Акакиевича. Кроме того, Маракулиным в эту пору его жизни часто овладевала "ничем не объяснимая необыкновенная радость"²⁴. В дальнейшем ходе повествования от предыстории героя почти ничего не остается, кроме этого акцентированного в предыстории детского экзистенциального отношения к миру - кроме состояния постоянного вопрошания. "Изменение" в жизни Маракулина воспринимается также как "гоголевский ход": его выгоняют со службы. Это банальное происшествие служит толчком для пробуждения мысли героя. Интересно отметить, что в произведениях Ремизова "мыслительная и интеллектуальная деятельность" маленького человека приводит к трагикомическим ситуациям, поскольку статус маленького человека заранее исключает саму попытку такой деятельности. Несмотря на то,

²³ Ал. Ремизов. Избранное. М., 1978. Крестовые сестры. стр. 194-311, стр. 195.

²⁴ Там же, стр. 196.

что Маракулин находится в состоянии потери равновесия, которое приводит к состоянию пробуждения, что речь идет о той ситуации, которую Шестов характеризует следующим образом: "Думать, настоящим образом думать человек начинает только тогда, когда он убеждается, что ему нечего делать, что у него руки связаны. Оттого, и, вероятно, всякая глубокая мысль должна начинаться с отчаяния"²⁵ - в случае Маракулина, поскольку Ремизов изображает "маленького человека", пробуждение является "обратным" осуществлением шестовской мысли. Если у Шестова "пробуждение" означает полный разрыв с действительностью, то ремизовский маленький человек ощущает истинное единство с бессмысленным миром. Он начинает спрашивать, но не только от своего имени, а от имени всего обреченного человечества. Это уже напоминает ту ситуацию, которую Хейдеггер называет "экзистенциальным вопрошанием мира", значение которой заключается в том, что человек, поскольку его существование конечно, вынужден постоянно спрашивать. Об этом же пишет, анализируя "Крестовые сестры", М. Дрозда: "... данное сознание умеет лишь одно: называть свое положение в форме повторного вопроса, не получающего ответа ни из окружающего мира, ни из собственной мысли"²⁶. На вопросы Маракулина в ремизовском понимании этой проблематики нет ответа и потому, что с помощью логики, соблюдая законы каузальности, нельзя раскрыть "причину" бессмысленных человеческих страданий. Маракулина занимает вопрос: "для чего прожить?", он хочет доказать свое "право на существование". По сути дела стремление Маракулина уже само по себе является абсурдным начинанием. Ремизов на примере героя демонстрирует ту

²⁵ Лев Шестов. Апофеоз беспочвенности. стр. 130.

²⁶ М. Дрозда. Художественно-коммуникативная маска сказа. "Зборник за славистику" број 18/1980. Београд. стр. 29-48, 39.

ситуацию, которую Шестов называет антиномией мышления и цели²⁷. Поэтому первая часть маракулинских "умозаключений", выраженных в иронической триаде повелений: "терпи!", "забудь!", "не думай!" указывает не только на нелепость мышления героя, но и на абсурдность человеческого мышления, как такового. Наконец, эту триаду завершает парадокс "человек человеку бревно", означающий, что "целенаправленность" вопроса "для чего прожить?" исключает в конечном итоге само мышление. Таким образом само состояние "пробуждения", начинающаяся "интеллектуальная деятельность" героя вывернута наизнанку, и переосмысляются писателем парадоксально: "И замкнулся в нем круг: знал он, что попусту думать, не надо думать, ничего не докажешь, и не мог не думать - не мог не доказывать - до боли думалось, мысли шли безостановочно, как в бреду..."²⁸ Не только мышление представляет собой в повести заколдованный круг, но в не меньшей степени и попытка героя "доказать свое право на существование": "И, найдя п р а в о свое в первородном бесправии, покорился в страхе и трепете..."²⁹ К этому парадоксальному состоянию героев Ремизова можно применить удачное определение К. Чуковского: "мировое головокружение"³⁰.

После неудачной попытки думать и доказывать - перед Маракулиным открывается еще одна возможность: определить свое состояние эмпирически-чувственными факторами. "Не для чего, - не для чего, а будет жить! - только видеть, только слышать, только чувствовать"³¹. Мы вновь встречаемся

27 Лев Шестов. Апофеоз беспочвенности. стр. 135.

28 Ал. Ремизов. Избранное. стр. 202.

29 Там же, стр. 208.

30 К. Чуковский. Критические рассказы. кн. I. СПб., 1911. см. главу "Психологические мотивы в творчестве Алексея Ремизова". стр. 139-167, 142.

31 Ал. Ремизов. Избранное. стр. 208.

в тексте с триадой, как в случае предыдущих повелений, круг снова замыкается - от ига законов причинности невозможно избавиться и в сфере эмпирического и чувственного опыта. Изображение этой стадии в судьбе Маракулина является как бы гротескной перефразировкой шестовской мысли о "трагедии философии": "... никакие гармонии, никакие идеи, никакая любовь или прощенье, словом ничего из того, что от древнейших времен придумывали мудрецы не может оправдать бессмыслицу и нелепость в судьбе отдельного человека"³². Отказываясь от мышления, и подчиняясь эмпирически-чувственным факторам, Маракулин принимает бессмысленную сущность мира и своим существованием как бы вырастает в нее. Ремизов изображает обреченность героя: участь Маракулина схожа с участью другого ремизовского героя Кости Клочкова, который задает вопрос, подобный маракулинскому - "зачем жить?". Костя думает, что он владеет временем, но в конце повести "Часы" выясняется, что время - ни что иное как чертова карусель.

Требует освещения еще один вопрос: в чем видит Ремизов сущность мира, что это за "жизнь", соприкосновение с которой губительно для человека? Один из критиков пишет о ранних произведениях Ремизова следующее: "... в книжках Ремизова, каждое человеческое несчастье - цельное звено в длинной тягостной цепи событий, приводящих к мысли, не то что бы отвергающей мир, - нет, но просто не признающей за ним никакой цены и никакого смысла. Жизнь - даже не "дьяволов водевиль", а возмутительная, бесцельная случайность, в которую неизвестно зачем попадешь и откуда неведомо куда уходишь"³³. О миро-

³² Лев Шестов. Достоевский и Нитше /Философия трагедии/. СПб., 1903, стр. 120.

³³ В. Полонский-Тусин. Рецензия на книгу: Алексей Ремизов. Сочинения III. СПб., 1911. "Новая жизнь". СПб., 1911. № 2. стр. 302-303, 303.

ощущении Шестова Иванов-Разумник отзывается так: "... для него /т.е. для Шестова - прим.н./ ясно до осязаемости, что в мире есть какая-то непобедимая сила, давящая и уродующая человека..."³⁴ В философии Шестова, так же, как и в прозе Ремизова уделяется чрезвычайное внимание случайности. Это связано с критикой теории познания, но может быть объяснено и тем, что философ и писатель считают равноценной субстанцией как добро, так и зло. Эта мысль проникает уже в афоризмы "Апофеоза беспочвенности": "Очень часто приходит в голову мысль, что зло может быть не так уж ненужно, как это принято думать..."³⁵ Философ в своей книге о Толстом и Ницше заявляет, что зло нужно не меньше, если не больше, чем добро, и видит значение Ницше в том, что он был первым из философов, который протестовал против исключительности требования добра. Правда, в этом произведении Шестов дает и критику Ницше, считая, что последний недооценил добро, отнеся к нему не как к равноправному противнику, и таким образом его принцип "amor fati" в определенной мере утратил свою весомость³⁶.

Отношение Ремизова к данной проблематике несколько иное. Мирозерцание писателя, как и мирозерцание русских символистов, характеризуется своеобразным дуализмом; православие Ремизова было "окрашено в манихейские тона"³⁷. Писатель сознательно заимствует у еретиков-богомилов идею о

³⁴ Иванов-Разумник. О смысле жизни. стр. 216.

³⁵ Лев Шестов. Апофеоз беспочвенности. стр. 188.

³⁶ Лев Шестов. Добро в учении гр. Толстого и Фр. Ницше. СПб., 1900, стр. 190, 197, 208.

³⁷ Вступительная статья З.Г. Минц к "Переписке Ал. Блока с А.М. Ремизовым. /1905-1920/". В кни.: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 2. "Литературное наследство". М., Изд. "Наука", 1981, стр. 63-82, 75.

том, что мир может быть в той же мере созданием Сатаны, как и Бога: все духовное в человеке от Бога, а все материальное - от Сатаны. Этот дуализм в чистой форме отражается в первую очередь в ремизовских пересказах апокрифических сюжетов, но эта мысль занимала Ремизова до конца жизни. Незадолго до смерти в 1957 году в своем дневнике Ремизов пишет: "Если только через отречения от мира путь познания Бога - стало быть, мир создание не божеское, - мир сотворил не Бог, а Сатана. Так верили болгарские богомилы"³⁸. И следующая запись, сделанная через день: "И неужто мир, в котором живет существо - творение не Бога, а Сатаны. А отречение - единственный путь к Богу..."³⁹. Такое понимание зла, восприятие его как метафизической сущности у Ремизова связано и с пониманием греха, в первую очередь первородного греха. В повести "Крестовые сестры" Маракулин осознает свое состояние "первородного бесправия", когда умирает кошка Мурка. Он видит в обреченности Мурки осуществление высшей правды, факт неискупленности изначального греха. По мнению Ремизова, человек обречен на свободу, следовательно и на грех, и несмотря на то, что человек не совершает никакого преступления, экзистенциальное существование изначальной греховности невозможно устранить. Поскольку в мире роковым образом смешаны добро и зло, в одной из сцен "Крестовых сестер", например, с неба глядит вниз на землю "Лих одноглазый", и видит, что земное существование пронизано бедой и страданиями. На первый взгляд кажется, что человечество отвергло благодать, но на самом деле оно находится в той стадии, которая как раз предшествует спасению: в "нулевой ситуации Голгофы", в том состоянии, когда человек с особенной остротой ощущает свою по-

³⁸ Н. Кодрянская. Алексей Ремизов. стр. 317.

³⁹ Там же, стр. 318.

кинутость Богом. Маленький человек, Маракулин тоже совершает свое "хождение по мукам" - жанровая структура повести напоминает пассионы. Образ "покинутого Богом человека", оставленность мира Богом - является постоянной темой Ремизова. Не только в художественном творчестве писателя, но и в дневниках и в письмах часто встречаются замечания, указывающие на это мироощущение. В своей книге Н. Резникова цитирует один фрагмент из письма Ремизова, в котором также выражена эта мысль. "Только Бог далек от нашей земной жизни и почти не принимает в ней участия. Какое-то огненное кольцо отделяет нашу землю от остального мира, где пребывает Бог"⁴⁰. В дневнике Ремизова мы находим следующую запись: "... я представляю себе Бога, не деля на небеса и землю, а за квадратными верстами в ту и в другую сторону, в бесконечности - Его пребывание"⁴¹. Этот парадокс веры, который приводит к отчаянию, превосходит философию экзистенциализма так же, как ее превосходят аналогичные мысли С. Кьеркегора, согласно которым "между Богом и миром нет "посредничества"⁴².

В философии Шестова часто встречается и мысль "об оставленных Богом человеке и мире" /М. Хейдеггер/. В одном из афоризмов "Апофеоза беспочвенности" эта идея развернута парадоксально: "каждая почти жизнь может быть резюмирована в нескольких словах: человеку показали небо - и бросили в грязь"⁴³. Эта идея развивается все же иным путем у Шестова, чем у Ремизова. В философии Шестова признание зла с необходимостью влечет за собой поиски Бога. Мы уже приводили протест философа против исключительности требования добра из книги "Добро в учении Гр. Толстого и Фр. Нитше". Путь Шес-

⁴⁰ Н. Резникова. Огненная память. стр. 131.

⁴¹ Н. Кодрянская. стр. 85.

⁴² S. Kierkegaard irásaiból. Budapest, 1969, стр. 277.

⁴³ Лев Шестов. Апофеоз беспочвенности, стр. 190.

това однозначен: если добро не Бог, оно не может быть смыслом жизни. "Нужно искать того, что выше сострадания выше добра. Нужно искать Бога"⁴⁴. Искания Бога как духовный путь также не чужды экзистенциализму. Например, в своей философии К. Ясперс приходит к выводу, что абсолютная открытость вопроса о человеке и мире указывает на Бога.

Параллели и точки соприкосновения в концепциях человека и мира у Шестова и у Ремизова, проанализированные выше, важны не только потому, что предвещают некоторые идеи экзистенциализма, а иногда и совпадают с некоторыми из них, но и потому, что их анализ освещает основные проблемы творчества Ремизова, отдаляющие его в определенной мере от господствующего идейного и художественного направления эпохи - от символизма. В своем дневнике Ремизов проводит грань между самим собой и своими соратниками по символизму: "Крылатые Андрей Белый и Блок, а я с подрезанными на первый взгляд крыльями..."⁴⁵. Как можно было бы истолковать поэтический символ Ремизова? Ответ на этот вопрос может дать определение ремизовского понимания искусства. Основой ремизовского "жизнетворчества" является "малый мир" /основное его стремление: "претворить быт в искусство"/. Это отгораживает писателя от "святого искусства" символистов-теургов. По мнению Ремизова, искусство не только не должно преобразовывать "жизнь", но писатель даже отказывается признать за искусством какую-либо цель⁴⁶. В понимании Ремизова назначение искусства имеет не теургический, а экзистенциальный характер, а "призвание" художника заключается в том, чтобы вступить в сообщество с человечеством, обреченным на страдание.

⁴⁴ Лев Шестов. Добро в учении гр. Толстого и Фр. Нитше. стр. 208.

⁴⁵ Н. Кодрянская. стр. 128.

⁴⁶ Э.Г. Минц. стр. 68.

Подводя итоги, можно сказать, что переосмысляемый в творчестве Ремизова шестовский "апофеоз беспочвенности", "уходящая из-под ног почва", "подрезанные крылья" - относятся к тем новым тенденциям в русском символизме, которые свидетельствуют об исканиях, аналогичных духовным поискам представителей экзистенциализма.